

Имена и встречи, которые не забываются

Духовный опыт прошлого не пропадает даром. А история личности может быть представлена как история времени в тесной связи с движением общества и народа.

В жизни есть моменты, которые волей-неволей держишь в памяти. Особенно это случается, когда что-то недоделал, не успел или просто пустил на самотек, а спохватившись, опоздал. Так меня до сих пор, а прошло уже достаточно времени, держит недовольство собой за то, что не успела сделать. Но все по порядку.

Окончив университет и проработав несколько лет преподавателем в институте, я решила поступать в аспирантуру. Выбирала тему для кандидатской диссертации. С подсказки одного знающего филолога выбрала творчество Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского, родовые корни которого были связаны как с Украиной, так и с Беларусью. «Пошерстив» литературу о нем, остановилась, зачарованная, на книге Евгении Александровны Таратуты «С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель» (издана в 1973 году). Труд о Степняке — по крупицам собранный, фундаментальный по объему интереснейший материал в 20 печатных листов. Книгу исследовательнице пришлось «пробивать», в чем ей помогли ученые, влиятельные знакомые, понимающие значимость сделанного. (Невероятно, такую работу нужно было тогда еще и «пробивать»!) Это было захватывающее чтение, удивительно талантливо — просто и с любовью — рассказанная Е. А. Таратутой история жизни и деятельности этого человека и писателя.

Книга Е. А. Таратуты была моим первым знакомством с писательницей. Мне

Таратута Евгения Александровна

так захотелось с ней пообщаться! И я поехала в Москву. Не скажу, что просто ради встречи с ней. Предполагалась работа в архиве — ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства) — с хранящимся в нем архивом С. М. Степняка-Кравчинского.

Сергей Михайлович Кравчинский (псевдоним Степняк) (1851—1895) жил в России, Италии, Англии. В маленьком славянской государстве Герцогине сражался вместе с восставшим народом против турецкого ига, был арестован, заключен в тюрьму и даже приговорен к смертной казни, которой удалось избежать. Пешком прошел Швейцарию, побывал во Франции, читал лекции в США. Был знаком с дочерью К. Маркса Элеонорой, Ф. Энгельсом, видными деятелями мирового уровня. Он признавал все человечество своими соотечественниками, а следовательно, был ориентирован на

восприятие всех ценностей, накопленных цивилизацией. Знали его в разных странах как революционера-народовольца, писателя, честного, с сердцем льва и добродушием ребенка человека. Кредо своего творчества он определял так: можно называть все, что существует, говорить обо всем совершающемся, но при этом четко знать, с какими чувствами и мыслями, в каких целях это говорится.

Перу Степняка принадлежит немало произведений, в их числе повести, романы «Андрей Кожухов», «Штундист Павел Руденко», художественно-публицистические циклы очерков «Подпольная Россия», «Россия под властью царей», пропагандистские сказки, публицистика.

Работая с документами, я читала написанное рукой самого Степняка, статьи, записки, наброски, трудночитаемые бумаги — все переданное в архив его женой Фанни. А душу заполняло желание увидеться с Е. А. Таратутой.

Я знала, что Евгения Александровна (1912—2005) — советский писатель, литературовед, окончившая в 1932 году филологический факультет МГУ, получившая степень кандидата филологических наук. Знала о ее работах, посвященных творчеству, роману «Овод» Этель Лилян Войнич, подготовленном ею к публикации в СССР собрании сочинений писательницы. Э. Л. Войнич была влюблена в Степняка-Кравчинского и, чтобы общаться с ним, выучила русский язык, а когда создавала своего Овода, прототипом главного героя избрала Степняка. Впечатлял круг знакомств Таратуты: она общалась и дружила с Л. Кассилем, А. Платоновым, Л. Квитко, А. Барто, В. Василевской, многими видными отечественными и зарубежными учеными и писателями. Не случайно появилась ее книга «Драгоценные автографы». Прошла через войну, получив медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». А потом ее арестовали, обвинив в шпионаже, — сталинские жуткие времена, — отправили по приговору на 15 лет в лагерь за Полярным кругом. Освобождение пришло только в 1954 году благодаря заступничеству писателя Александра Фадеева.

В моих глазах Таратута представляла удивительным человеком. Вот бы познакомиться с ней. И я решила.

27 января 1982 года, не сразу получив от сотрудницы ЦГАЛИ адрес известной писательницы, исследовательницы творчества и жизни Э. Л. Войнич и С. М. Степняка-Кравчинского (как это получилось — отдельная история), я, купив букет гвоздик (была зима, холодно, цветами торговали возле вокзала цыганки), отправилась к Таратуте в гости.

Позвонить предварительно не решилась, так как не надеялась получить положительный результат. Считая, что Евгения Александровна живет одна (я была убеждена, что она одинока), отправилась по указанному адресу на проспект Вернадского. Адрес держала в уме и перепутала. Таксист, везший меня, стал подозрительно на меня посматривать, когда я его заставляла ехать то вперед, то возвращаться назад. В конечном итоге я оказалась на станции метро «Юго-Запад» и наконец-то нашла нужный мне адрес.

Дом стоял на высокой насыпи, или на горе, как сказали мне прохожие. И чтобы не идти в обход, не тратить время, я по колено в снегу стала взбираться наверх, откуда мальчишки скатывались на санках. Дом был многоэтажный, современной постройки. Про себя почему-то решила: университетский. Подъезд нашла сразу. Почтальонша, стоявшая у входа, поинтересовалась: «Вы к кому? К Таратутам? У них дома один Сашенька. Поднимайтесь, они скоро будут». Я растерялась. Как? Она живет не одна? Но виду не подала и с букетом отправилась по лестнице на 3-й этаж. Не решаясь постучать в дверь, в уме перебирала слова, что бы сказать. Все же нажала кнопку звонка. На вопрос из-за двери промямлила: «Мне нужна Евгения Александровна». Дверь открыл мальчик лет тринадцати. Сказал, что она будет сегодня поздно, дал номер телефона (который, кстати, уже был у меня). Цветы отдала, попросив передать, что приходила поклонница и читательница Наташа из Минска. Вот так неудачно закончилась моя попытка познакомиться с Е. А. Таратутой.

На следующий день, 28 января 1982 года, в 9 утра из гостиницы «Киевская», где было мое пристанище, я позвонила Евгении Александровне: «Вас беспокоит ваша читательница. По образованию я филолог. Окончила Белгосуниверситет в Минске». На вопрос, как меня зовут и где я работаю, — ответила, что мое имя Наталья, преподаю русскую классическую литературу в Минском институте культуры. Сказала, что у нас с ней общая симпатия — Степняк-Кравчинский, что вчера я отважилась к ней приехать без разрешения, не имея возможности созвониться. Она оживилась, вспомнив, очевидно, про цветы. Благодарилась от души. «Приезжайте! Очень интересно. Приезжайте». Договорились на час дня.

В назначенное время я была у ее квартиры. Позвонила. «Наташа?» — спросила она. И открыла дверь. Смотрит на меня с интересом. Извиняюсь: «Я не всегда такая бесцеремонная. И уж коли сама напросилась к вам в гости, примите от меня этот небольшой белорусский сувенир». Подаю ей коробку тогда у нас дефицитного грильяжа в шоколаде. Вижу, ей приятно. «О! Спасибо. Большое спасибо, мы это очень любим». Взяла коробку, читает: «Кондитерская фабрика «Спартак», Гомель». Предлагает мне тапочки, извиняется за беспорядок в квартире и ведет в свой кабинет.

Комната небольшая, где-то 3 м на 2,5 м. Вначале кажется заброшенной или, по крайней мере, неухоженной, но потом замечаешь, что все на месте: и стеллажи до потолка, и два рабочих стола: один очень старой работы, с резными шуфлядками. На нем в футляре, по-видимому, пишущая машинка, книги. На другом — опять же книги, в вазах сухие и «мои» цветы.

Вижу диван, накрытый пледом зеленого цвета в клетку, небрежно раздвинутые плотные шторы. Евгения Александровна в шерстяном, цвета малины с сиреневым оттенком, вязаном платье, облегающем фигуру. Зачесанные назад, собранные в узел седые волосы. Лицо одутловатое, с двойным подбородком.

На стуле возле дивана телефон. За время нашей беседы (с 13 до 15 часов) он зазвонит три раза. И каждый раз она

берет трубку и бодро, даже несколько весело, говорит: «Алле».

Разговор начался с рассказа Евгении Александровны о ее делах. Она поведала, что вчера, т. е. 27 января, почти целый день провела у Кассилей. Жена Льва Кассиля просила разобрать его архивные бумаги. Поездка к ним обошлась Евгении Александровне в десять рублей на такси (как она сказала — туда и обратно). Жалуетесь на то, что скользко, а жизнь была у нее очень сложной и трудной. Годы 1937—1954-й с перерывами провела в лагерях и ссылке. Пережила арест отца-революционера, гибель на войне брата, эвакуацию. После войны писала диссертацию, работала в академическом институте, имела поощрения за успехи, а потом ее арестовали, обвинили в передаче секретных материалов западной разведке. Пять месяцев ее били и пытали, не давали спать. Она ослабла, на допросы иногда волокли за руки. Чуть не лишилась рассудка. Спасали книги, нет, не книги в их материальном облике, а те, которые читала «про себя», — Пушкин, Маяковский, Блок; она уходила в них и не слышала мучителей, отчего те свирепели. Сохранив разум, физически была уничтожена и поэтому отправлена в инвалидный лагерь за Полярный круг. Евгения Александровна показывает свои руки: фаланги пальцев с ногтями выгнуты. То же, говорит она, и с ногами. У меня холодеет душа...

Евгения Александровна продолжает разговор. Сожалеет, что план написать книгу «С. Кравчинский — переводчик» отодвигается, т. к. Агния Барто, очень хорошая ее знакомая (они дружили), перед смертью, уезжая в больницу, сказала дочери, что если «задержится», пусть четвертый том собрания сочинений закончит Евгения Александровна. Сетует, что Барто не оставила даже плана этого 4-го тома. Стала Таратута над этим работать, поняла: понадобится уйма сил и времени. Тогда свои интересы и дела — в сторону.

Поделилась радостью — сдала в набор свою книгу «Драгоценные автографы». Пожаловалась на издателей из-за того, что не берут в печать рукописи, их трудно продвигать. Отдельная

история у нее была с печатанием книги «С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель» — объемной, богатой архивными материалами о малоизвестном читателю человеку, к тому же «террористе», отомстившем по решению революционной организации генералу Мезенцову из Петербурга за казни товарищей. В издании книги Таратуте помогал один академик (к сожалению, я не запомнила фамилию), другие влиятельные знакомые.

Пришел из школы внук. Евгения Александровна его предупредила: на обед только первое. Готовить второе она не будет. У нее сегодня день отдыха: будет штопать, вечером посмотрит «Штирлица» и спать. Спать, говорит, ей надо не менее 10—12 часов, а это полсутки. Времени и жизни остается мало. А планов много.

Показала свою библиотеку. Особо выделила «Овода» Э. Л. Войнич. Книги для Е. А. Таратуты — особая любовь, особая значимость. Они спасали ее в сложнейшие моменты жизни.

В публичную библиотеку она записалась еще в 1924 году. Читала много, писала сочинения, за одно из которых получила в награду книгу «Овод» Э. Л. Войнич. Как же удивительно поступает с нами порой судьба. Спустя годы Евгения Александровна найдет за границей всеми забытую девяностолетнюю писательницу, которая пригласит ее в гости, но Таратуту за рубеж не выпустят.

На стенах комнаты инкрустированные деревом портреты Степняка и подаренный ей портрет с изображением и надписью Этель Лилиан Войнич. Попросила прислать ей белорусские издания «Овода» 1934 и 1937 годов. Поругала фильм «Овод», сожалела, что не дали ей написать на него отрицательную рецензию. Отреагировала на свое выступление на телевидении. Оживилась, сравнивая картины Гойи и образ Овода. Чуть позже я поняла, почему.

У Евгении Александровны было увлечение: выбрать портрет понравившегося ей писателя, отыскать значки с его изображением или вырезать из журнала репродукцию известной картины, найти это изображение на почтовой

открытке, соответствующую ей марку и все это выставить за стекло книжных стеллажей у себя в кабинете. Получалась своеобразная домашняя выставка, которой она любовалась.

Я все слушала Евгению Александровну. А она увлеченно рассказывала мне о посещении Италии, о необязательности людей, которых она просила сфотографировать в Италии дом, где жил С. М. Степняк-Кравчинский, о поездке в Англию, письмах к ней знаменитых людей. О невозможности просто так почитать книжку. Возраст свой не подчеркивала, он и не ощущался в беседе с ней. Я даже ни разу не задумалась о том, сколько же ей лет. Попозже отвлеклась на внука: «Звонила мама. Вы с ней идете в кино. Угощайся конфетами. Это тетя Наташа принесла».

В конце нашей встречи мило прощается, говорит, что рада была познакомиться, записывает мой адрес, телефон, обещает приехать в Минск, ведь у нее там хорошие знакомые — Василевская, Витка.

Отчего же я чувствовала перед Таратутой вину?

При нашем общении Евгения Александровна высказала желание сделать выставку (это значит найти почтовую марку, значок, репродукцию портрета) двух белорусских классиков — Я. Купалы и Я. Коласа. Вернувшись с Минск, я отыскала в альбоме одного филателиста марку 1962 года с нужным изображением, нашла и значок, но так все это ей и не передала. Трудно сказать, что меня сдержало. Но спасает то, что в памяти образ человека, с этим связанный, остается еще дольше, держит за душу. Даже только прикасаясь к жизни и творчеству Е. А. Таратуты, четко понимаешь: чем богаче духовный мир отдельного человека, тем сильнее ощущается потребность приобщиться к культурным ценностям целого поколения.

Р. С. Кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству С. М. Степняка-Кравчинского, я все же написала и защитила в МГУ имени М. Ломоносова.